

В общем-то — история одной жизни: то, что испокон веку является материалом и фабульной скрепой литературы. Автора или не автора — это нас, читателей, не касается. Так написано, чтоб не касалось.

Читается с непрерывным увлечением, от начала и до конца.

...Бывает, что не менее важно описать литературное явление через то, чего в нем нет. Потому хотя бы, что во впитавшей в себя два века русской прозы и давно перезревшей прозе XXI века накопились, кажется, все возможные литературные грехи. Попробуем перечислять отсутствующее в романе А. Суконика. Не скучно, не липко, не тягуче. Автора ничто не смущает, он ничего не боится. От страниц постоянно веет этим бесстрашием. И не лишне будет пояснить нам, испорченным, — бесстрашие ни на йоту не деланное. Сколько угодно исповедальности — от школьной лжи и маскировки (цитировал на уроках русского языка классиков — «расчетливо выучивал примеры заранее, а потом изображал, что импровизирую», крал с приятелем учебники и продавал) до взрослых грехов — и

нисколько, представьте себе, не претит, хотя само слово-то давно невыносимо. Найден, значит, такой ключ: один поворот, и все переводится в литературу.

Ну и, конечно, множество выразительных портретов, действий, разящих диалогов... Сколько завязавшихся на глазах читателя и рывком порою развязанных судеб — и как нарастает динамика, как катится под гору вместе с вцепившимся в санки читателем детективное повествование второго тома!..

Философия и политическая мысль вплетены в повествовательную ткань, стали единым узором. Мы видим, например, как переворачивается на той стороне земного шара и встает на голову (или, по мысли автора, на ноги) все, казалось, так тщательно и ново, не плоско обдуманное во второй половине наших российско-советских 60-х... Для меня кое-что и чуждо в этой книге — особенно когда представишь себе, как суровый взгляд, скажем, на американских политиков изнутри будет с радостью подхвачен здесь, на нашем полушарии, всегда враждебно взирающими на ту страну извне: «А мы что говорили!..» Но все перешибает огромный объем того, что продумано и пережито автором в редкостно уединенной, огражденной от любых людских скоплений обстановке — в полной свободе от каких-либо влияний. И покоряет, не скрою, умственное бескорыстие, темперамент — без экзальтации и безоглядность литературного дара.

Мариэтта Чудакова

Спаси нас, доктор Достоевски!

Александр Суконик

Александр Суконик

Спаси нас,
доктор
Достоевски!

Александр Суконик

Спаси нас, доктор Достойевски

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

ББК 84(2Рос=Рус)6
С 89

Суконик А.

С 89 Спаси нас, доктор Достоевски! — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 592 с.

ISBN 978-5-9551-0373-0

Эта книга о выборе судеб российскими интеллигентами, о крайности таких выборов, как у нас это часто бывает: либо эмиграция, либо уход в национализм. Выбор иссушения рационализмом, или полный отказ от рационального подхода к действительности во имя сохранения междусобойной душевности. Еще эта книга — анатомия эмиграции семидесятых годов из Советского Союза, книга об исчезнувшем мире шестидесятников, то есть, можно сказать, историческая, или же ископаемая книга.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9551-0373-0

© А. Суконик, 2010

© Языки славянской культуры, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Ч А С Т Ь 1
Приуготовление к роман
Имитация мемуара

...В возрасте шести лет меня привозят на балет «Спящая красавица», и я ужасно пугаюсь Злой феи. Многие дети на моем месте испугались бы, но я, кажется, иду дальше и изобретаю игру: те люди, которые наиболее добры к мне, — это злые феи, а те, кто враждебен, кого боюсь, — на самом деле феи добрые. Мать наклоняется над кроватью перед сном — автоматическая реакция: вот она, злая фея. Кто-то испугал на улице — тут же мысль: вот самый добрый в мире человек. Игра с двумя выигрышами: сладким ощущением бездонности мыслимого и обезвреживанием внешней опасности. Но не безобидная игра, потому что потеряна способность опереться хоть на что-нибудь. Хоть на какую-нибудь безусловность, хоть на какой-нибудь статус-кво. Теперь неуверенность во всем, которая подталкивает к движению в поиске нового статус-кво. (И скрытая ностальгия по покою, который существовал раньше). Короче говоря: стали левшу переучивать писать правой рукой, и с тех пор всю жизнь путает левую сторону с правой... но не без пользы...

...Какой мне видится теперь довоенная Одесса моего детства? От потери темперамента к старости становишься сентиментален и примирителен. Вижу солнце сквозь листья каштанов, столбики белых цветов на них, Воронцова, обрамленного цепями, льва и львицу в Городском саду. Я всегда не любил Одессу (ее плотскость, провинциальность, ее ненавистное мне остроумие), но те яростные чувства отмерли: Одесса так далеко! Впрочем, яростные чувства начинаются с послевоенного юношества, так что я смещаю времена (результат умственного процесса), и слово «всегда» должно быть взято в кавычки...

...Бонна Юлия Августовна была немка. Несомненно, ленивая и глупая женщина, потому что не научила меня ни слову по-немецки. Вина некультурных родителей: наняли бонну, как было положено по их советскому буржуазному статусу, и не потрудились хоть чуть-чуть расспросить ее. (Братья Хаятины, дети профессора Хаятина из соседнего подъезда, были между тем прекрасно обучены языку их бонной). Но не завидую: Юре и Лёле досталась в наследство от родителей культура, мне — первобытные страсти. Ум не может породить страсти, а страсти могут возбудить ум (особенно, если они безвыходные)...

...Вырезали с Юлией Августовной цветные аппликации — единственное, что помню. После войны она пришла навестить нас (жила

Оглавление

Ч А С Т Ь 1. Приготовление к роману. Имитация мемуара

Ч А С Т Ь 2. Роман. Как житель Византии Гарик Красский ... эмигрировал в Афины и что из этого вышло

Глава 1. Своего рода начало	273
Глава 2. Попытка изменить тон повествования	275
Глава 3. Наш герой предпринимает первые шаги	280
Глава 4. Далее, все в том же направлении	282
Глава 5. Мир это сцена, на которой одним роль — смеяться, другим — хмурить лоб	284
Глава 6. Подробней об идее движения	287
Глава 7. Продолжая анализировать идею движения	291
Глава 8. Ассоциация нашего героя с упомянутой идеей, а также с предрассветным одиночеством	293
Глава 9. В которой мы знакомимся с женой героя	297
Глава 10. Вечер у диссидентов	298
Глава 11. Аэропорт Шереметьево	305
Глава 12. А вот и граница (интерлюдия)	309
Глава 13. А вот и граница (в смысле: «Вот тебе, бабушка, и юрьев день!»)	313
Глава 14. Житье-бытье Красских в Риме	318
Глава 15. Нью-Йорк и родственники нашего героя	321
Глава 16. Будни первого времени	325
Глава 17. Наш герой начинает потихоньку меняться	333
Глава 18. Нью-Йоркский дядя	337
Глава 19. Приезд двоюродного дяди из Ленинграда, и что из этого приезда вышло	339
Глава 20. Первые столкновения нашего героя с неграми	352
Глава 21. О том, как собака нашего героя получила членство в американском клубе собаководства	358
Глава 22. Подробней о пьедесталах	360
Глава 23. Отрывки из одной неопределенной рукописи	363
Глава 24. Как советские газеты возвели нашего героя в ранг писателя	407

Глава 25. Появление в нашем романе Геннадия Кочева; роман преходит на иной (почти немецкий) уровень глубины	414
Глава 26. В которой читатель знакомится с личностью Кочева более подробно.....	418
Глава 27. Точка такого пересечения	427
Глава 28. В которой наши персонажи говорят (и пишут) от первого лица	430
Глава 29. Русский еврей встречается немецкого еврея, и что из этого выходит	443
Глава 30. Которая грешит отвлеченными рассуждениями	461
Глава 31. Как Гарик Красский нашел работу через «Нью-Йорк Таймс»	472
Глава 32. Работа, продолжение.....	479
Глава 33. В которой делается скачок на энное количество лет	483
Глава 34. Еще одна фаза в жизни нашего героя	496
Глава 35. В которой многое сопрягается с разного рода снами	504
Глава 36. Еще один немецкий еврей!	506
Глава 37. В которой опять играют роль сны	510
Глава 38. Дело идет к концу	522
Глава 39. В которой мы еще раз возвращаемся в страну фантазии Россию.....	530
Глава 40. Как Красский и Кочев повидались еще раз в жизни.....	553
Глава 41. И последняя.....	582